

Более дробная классификация ирригационных сооружений дана в пятой главе «Нижняя Сырдарья», где рассматриваются три периода античности, период средневековья и оросительные сооружения каракалпаков и казахов (XVII — начало XIX в.).

В заключение (стр. 222—223) приводятся интересные обобщающие схемы, например, табл. 9 «Некоторые данные о развитии техники ирригации в низовьях Амур-дарьи», «Развитие ирригационной техники в дельтовых областях, на примере Хорезма» (рис. 65, стр. 225). Особенно интересна табл. 10, где рассмотрены три основных вида развития ирригационных систем: 1) на горных речках и ручьях (юго-западная Азия, Перу), 2) в дельтах и долинах крупных рек (Южная Месопотамия, Египет, низовья Амударьи и Сырдарьи) и 3) на подземных водах.

Книга заканчивается указанием на то большое значение, которое имеют археологические исследования для ирригационного строительства в наши дни. Прав был В. В. Бартольд, отрицавший распространенное ранее мнение о бесперспективности попыток освоения иссушенных зноем туркестанских земель, будто бы обреченных на неминуемую гибель.

Б. В. Андрианов написал хорошую и нужную книгу, где глубокая разработка теоретических вопросов сочетается с продуманным обобщением большого материала, собранного археологическими работами экспедиции, создавшей методику полевого исследования древних оросительных систем. Книга не только историческая, она нужна строителям ирригационных сооружений и сегодня.

Б. Б. Пиотровский

НАРОДЫ ЗАРУБЕЖНОЙ ЕВРОПЫ

Этногенезис и культурно наследство на болгарския народ. Сборник. София, 1971 г.

Рецензируемая книга является сборником докладов, прочитанных на конференции, которая состоялась в Софии в 1968 г. и была посвящена проблеме, указанной в заголовке. В конференции, созданной по инициативе Этнографического института Болгарской Академии наук, приняли участие, кроме этнографов и фольклористов, болгарские специалисты, занимающиеся смежными науками: языковеды, историки, археологи. Основной целью научного собрания в Софии было подвести итоги отечественных исследований в области этногенеза и этнической истории болгар и наметить пути для дальнейшей работы.

Этническое развитие болгар было рассмотрено в широких хронологических рамках, от его истоков и предыстории (период античности и варварских нашествий начала I тысячелетия) до формирования болгарской нации и судеб современной национальной культуры. Такая постановка вопроса представляется правомерной, так как этнические процессы продолжают развиваться в новое и новейшее время весьма интенсивно.

Содержание докладов можно свести к нескольким основным проблемам. Первая — изучение этнических компонентов, давших начало болгарской народности.

Весьма существенное внимание в этой связи в сборнике уделено фракийскому этнокультурному компоненту. Фракийцы рассматриваются как основной субстрат, влившийся в славянскую массу при возникновении болгарского народа. Поэтому в докладах ставились проблемы этногенеза фракийцев, локализации фракийских племен, связи их культуры с древними культурами Балканского полуострова. Эти вопросы, поднятые еще в XIX в., являются до сих пор дискуссионными. Одни ученые считают фракийцев пришлым народом, сравнительно поздно (начало II тысячелетия до н. э.) появившимся на Балканском полуострове из северных областей (В. Томашек, П. Кречмер Эд. Мейер, Г. Кацаров, Д. Дечев, авторы книги «История Румынии», 1961 г.). Другие же исследователи обращают внимание на те элементы в культуре и языке фракийцев, которые указывают на их связь с более древним населением Балканского полуострова, т. е. подчеркивают значение автохтонного развития, преемственности культур древних обитателей северо-востока Балканского полуострова. Именно эта вторая точка зрения представлена в рецензируемом сборнике статей акад. В. Георгиева («Генезисът на балканските народи»). Исходя из лингвистических (главным образом топонимических) данных, он полагает, что присутствие фракийцев на Балканах может быть зафиксировано уже с мезолита или начала неолита. Область расселения фракийских племен охватывала, по мнению В. Георгиева, земли между Балканскими горами на севере, Эгейским и Мраморным морями на юге, Черным морем на востоке и р. Струмой на западе. Между фракийцами, жившими к югу от

Балканского хребта, с одной стороны, мезами и даками — с другой, нет языковой (и следовательно, по его мнению, этнической) близости, что нашло, как он полагает, отражение в античной литературной традиции и топонимике (названия поселений на -дава в Дакии и Мезии, на -бриа, -диза, -пара в землях к югу от северных отрогов Балканских гор и несколько западнее р. Струмы, стр. 12—14).

Стремление подчеркнуть автохтонные черты в развитии основного населения северо-востока Балканских областей, отход от теории, утверждавшей, что в начале II тысячелетия население этого района полностью сменилось, представляется нам плодотворным. Лингвистические исследования, в том числе и В. Георгиева, приближают нас к позитивному решению этой проблемы. Как представляется, сейчас требуется координация между данными археологов, прослеживающих истоки фракийской культуры, возможно с энеолитического времени или безусловно с эпохи бронзы, и выводами лингвистов (в частности, В. Георгиева), относящих первые данные о фракийском языке к значительно более ранним (мезолит или начало неолита) эпохам. Несмотря на то, что данные археологии не всегда бесспорны для этногенетических построений, все же нельзя не считаться с тем, что культурные изменения на Балканах при переходе от культур камня к бронзовому веку (на грани IV и III тысячелетий до н. э.) весьма существенны. По мнению Н. Я. Мерперта, результаты многолетних исследований советско-болгарской археологической экспедиции подтверждают мнение о бесспорной преемственности в развитии материальной культуры только с III тысячелетия до н. э. (это доказывалось материалами таких памятников, как Езеро, Новозагорское поселение, Юнаците, Раскопаница, Пшеничево и др.). С этого времени происходит последовательное развитие генетически связанных культур; в них можно найти корни тех явлений в материальной культуре, которые в развитом виде представлены у фракийцев¹.

При решении вопроса о границах Фракии, по нашему мнению, следует иметь в виду подвижность представлений древних историков и географов. Если у Гомера и Гакатея в понятие Фракии входят лишь земли от Эгейского моря до Гема (современных Балканских гор), то в более поздней литературной традиции это представление меняется. Хорошо осведомленный, бывший во Фракии Геродот причисляет к ней также земли к северу от Балканских гор и называет фракийскими жившие здесь племена гетов и кробидзов (IV, 43; IV, 49; V, 3); эти территории называет фракийскими и более поздняя античная традиция (Skymn., 751; Ptolem., III, 10, 9; Athen., XII, 536-d; Anon. Periopl. Pont. Eux., p. 13 и др.). Если принять во внимание сведения античных авторов, то требуется более осторожное суждение о северных границах Фракии, чем то, которое высказано на стр. 12 сборника.

В нескольких других статьях прослеживается воздействие фракийского этнического пласта на язык, материальную и духовную культуру болгар.

Языковедов давно ставило в тупик то обстоятельство, что свидетельства литературных источников о сохранении фракийского языка вплоть до VI в. (до массового переселения славян на Балканский полуостров) не подтверждаются в достаточной степени ни словарным фондом, ни морфолого-синтаксическими, фонетическими особенностями болгарского языка. Кирилл Влахов («Следы от трако-славянских языков в развитии болгарского языка») делает попытку объяснить это явление сходством славянских и фракийских (главным образом дако-мезийского) языков как индоевропейских, принадлежащих к одной и той же группе «сатем». Исследование более чем 300 фракийских имен и их сравнение со славянскими приводит автора к заключению о сходстве семантико-словообразовательных типов определенных групп личных имен в этих двух языках. Это явление К. Влахов объясняет двояким образом: или рано (еще до VI в.) начавшимся продвижением славянских племен в дако-мезийскую среду, или же большой близостью и сходством дако-мезийского и славянского языков. И в том и другом случае слияние фракийского языка с языком пришедших во Фракию славян, ассимиляция аборигенов становятся, как полагает автор, легко объяснимыми.

Та же идея о сходстве (или даже совпадении) фракийских и славянских компонентов прослеживается и в статье Марии Велевой («Народните номи като свидетелство за културно-битовата общност и историко-културните области по българските земи»). Она отмечает, что в настоящее время можно найти лишь отдельные и весьма незначительные фракийские элементы в одежде современных болгар. Это обстоятельство автор объясняет сходством фракийского и болгарского костюма, существовавшим благодаря совпадению уровня развития славян и фракийцев к моменту контакта их племенных культур (стр. 78).

Иначе подходят к проблеме этногенеза болгар другие авторы рецензируемого сборника. Они указывают на слияние двух различных этнических компонентов в этом процессе — фракийского и славянского.

Фракийские традиции в болгарском животноводстве прослеживает Васил Маринов. Так, по его мнению, славяне восприняли от фракийцев отгонное животноводство, а также некоторые способы переработки молочных продуктов. Однако в отличие от М. Велевой, В. Маринов объясняет это не стадийным совпадением в уровне развития, а заимствованием, контактами славян с тем населением, которое они застали на Балканах.

¹ Н. Я. Мерперт, Е. Н. Черных, Болгаро-советская экспедиция, «Археологические открытия 1971 г.», Москва, 1972.

Примерно такое же отношение к фракийскому и вообще античному наследию характерно и для Любомира Дукова («Характер на културно-историческото наследство от железни части на земеделски орѣдия в българските земи»), который очень четко сформулировал мысль о том, что славяне полностью восприняли железный земледельческий инструментарий античного (главным образом римского) времени, который затем был ими усовершенствован.

Эту линию проводит и Петр Петров («Кукери — един български обичай от античен произход»), взявший в основу исследования один из наиболее популярных календарных обрядов — кукерские игры у болгар. Он указывает на сочетание в этом обряде древнефракийских и славянских элементов, что позволяет сделать вывод о тесном общении и смешении пришлых славян с местным фракийским населением.

Небольшой объем сборника не дал возможности сторонникам той или иной теории развернуть свою аргументацию. Это приводит к возникновению у читателя ряда вопросов. Сомнение, например, вызывает тезис о сходстве и совпадении фракийских и славянских языка и культуры. Все виды материальной культуры у этих народов (керамика, украшения, типы жилища и многое другое) резко отличаются друг от друга. Возникает также вопрос о том, как (если принимать во внимание теорию идентичности фракийских и славянских языков) объяснить отсутствие, во владском и аромунонском языках существенных славянских языковых элементов, если (как это обычно принято) считать владхов и аромунов потомками аборигенного фракийского или иллирийского населения. Эти же сомнения можно высказать и в связи с тем, что албанский язык (который, по общепринятому мнению, является реликтом фракийского и иллирийского языков) не относится к группе славянских, отличен от них.

Нельзя согласиться и с тем, что сходство культур славянских и фракийских племен объясняется одинаковым уровнем (стадией) их развития. Против этого говорит тот факт, что ко времени массового появления славянских племен на Балканах у фракийцев уже много лет существовала государственность, чем они резко отличались от славян. Но если бы уровень социально-экономического развития этих народов и был одинаковым, это отнюдь не являлось бы подтверждением идентичности (или даже сходства) в этнокультурном облике фракийцев и славян.

Высказанные соображения заставляют нас считать вторую точку зрения более верной: контакты славян с фракийцами наложили свой отпечаток на формирующуюся культуру и язык болгар, что прослеживается в отдельных ее элементах. Сохранение фракийского субстрата к моменту прихода славян и его огромная роль в формировании болгар благодаря работам антропологов (как болгарских, так и советских) бесспорно доказана. Однако, видимо, сохранение антропологического типа и культурного облика не всегда совпадающие явления. Взаимодействие культур местных племен с пришлым населением идет своими путями, которые должны исследоваться в каждом конкретном случае. Взаимодействие культур местного населения с пришлым, формирование новых этнических образований, возникающих в результате этих взаимодействий, их этнокультурный облик — труднейшие и интереснейшие проблемы². Их постановка в рецензируемом сборнике составляет большую заслугу болгарских ученых.

В содержательных статьях Г. Михайлова, Б. Герова, Т. Герасимова и В. Тыпковой-Зановой прослеживаются пути и степень влияния на фракийское население греческого, римского, кельтского и более поздних «варварских» языков и культур.

Болгарские языковеды привлекают новый материал для освещения неоднократно дискутировавшегося вопроса о путях славянской колонизации на Балканах. Владимир Георгиев и Йордан Заимов на основе данных ономастики и топонимики выдвинули гипотезу о движении основных масс славян через нынешние Западную Болгарию и Македонию, откуда они распространились к востоку, западу и югу. Й. Заимов («Найстарите заселища на българските славяни в балканските земи») прилагает карту расселения «болгарских славян» (тех, которые вошли позднее в состав болгарской народности), на которой отмечено место переправы их через Дунай около г. Видина. В. Георгиев в цитированной выше статье несколько осторожнее формулирует ту же гипотезу, возникшую у него после картографирования данных топонимики (в особенности гидронимики, которая наиболее консервативна). Он допускает проникновение славян через Дунай и в других районах, но основным их путем считает западный, обосновывая его некоторыми историческими причинами. Эта гипотеза подтверждается и свидетельствами Прокопия.

Факт наибольшей концентрации славянских топонимов в западной части болгарских земель чрезвычайно интересен. Но проблема еще не решена до конца, и новая гипотеза рождает новые вопросы и ставит новые задачи, которые более успешно могут быть разрешены комплексными исследованиями. Думается, что продолжение поисков фактов у древних авторов, по мнению акад. В. Георгиева, не до конца использованных, и в особенности расширение археологических исследований, могли бы придать гипотезе большую убедительность.

Преимущественно славянские корни находят в ряде бытовых явлений этнографии. К этому пришла в результате многолетних исследований болгарской одежды М. Велева. Многие варианты признаки она объясняет культурными различиями древних

² В. П. Алексеев и Ю. В. Бромлей, К изучению роли переселений народов в формировании новых этнических общностей, «Сов. этнография», 1968, № 2.

славянских культур, убедительно подтверждая это аналогиями с украинской и южно-великорусской одеждой. Некоторые особенности она считает по происхождению праболгарскими, другие — фракийскими. Фракийский культурный пласт в одежде прослеживается слабо (об ее интерпретации этого явления мы говорили выше).

Славянская основа вырисовывается и в ритуале болгарской народной свадьбы, описанной в статье Иванички Георгиевой «Этнографско единство на сватбата у българите», и в погребальных обычаях, отличающихся, как известно, особенной консервативностью (статья Стояна Генчева, «Этнографско единство и регионални различия в обичаите при погребението у българите»). Различия в ритуалах авторы также склонны отнести за счет разного количественного соотношения этнических компонентов, вошедших в состав данной локальной группы, т. е. опять-таки объясняют древними традициями. В подтверждение этого ученые пользуются сравнительным материалом по восточным славянам (И. Георгиева) или же привлекают данные диалектологии (С. Генчев).

Следам культуры третьего компонента болгарской народности — праболгарам — в традиционном быту и языке посвящена статья Ивана Коева «Следи от бита и езика на прабългарите в нашата народна култура». По его мнению, локальная этнографическая группа болгар «капанци», живущая в Разградском округе северо-восточной Болгарии, — потомки ославянившихся праболгар. Поразительное сходство вышивки, форм и терминологии некоторой части свадебного реквизита, элементов одежды «капанцев» и чувашей дали основание для такого заключения. Ту же гипотезу поддерживают советские исследователи культуры народов Поволжья (П. В. Денисов, Н. И. Гаген-Торн). И. Коев находит ей подтверждение и в некоторых археологических параллелях. Он добавляет к этому ряд свидетельств о праболгарских пережитках в народной культуре других частей страны, а также наличие 49 древнетюркских терминов в болгарском языке.

Ряд докладов объединяет проблема общности болгарской народной культуры и отражения в ней процесса консолидации болгарской народности, а позднее и нации.

В общетеоретическом плане ставит проблему образования болгарской народности проф. Христо Гандев («Условия за образуване на българската народност»). Среди условий, которые, по его мнению, определили и подготовили формирование болгарской народности в VII—IX вв., он выделяет: 1) этнографическую структуру у трех ее этнических компонентов — славян, фракийцев и праболгар; 2) роль военно-политических союзов; 3) наличие позднеантичного и ранневизантийского культурного наследия; 4) фактор единой военной, политической и административной власти в рамках Первой болгарской державы; 5) утверждение староболгарского языка одновременно как государственного, литературного и церковного; 6) роль христианизации фракийцев, славян и праболгар. Многие из моментов, выделенных Хр. Гандевым как узловые при создании болгарской народности, должны быть учтены и при изучении аналогичных процессов у других народов.

К сожалению, период расцвета болгарского феодализма и византийского владычества ускользает пока от внимания исследователей этнической истории, хотя начало этому было положено ранее работами Кр. Миятева, В. Тыпковой-Заимовой и др. Основная трудность, по-видимому, в отсутствии достаточного количества источников.

Работой, заполняющей в сборнике пробел между ранним средневековьем и новым временем, является статья Николая Тодорова о демографических процессах в период турецкого ига, сюда же можно отнести некоторые аспекты фольклорных исследований.

Н. Тодоров проследил влияние одного из социальных факторов — вероисповедания — на этническую историю народа и на основе данных демографических исследований показал, как смена религии (принятие ислама) вызывала переход людей в другую социальную, а затем и этническую общность. При этом более радикальной в этом отношении была исламизация отдельных лиц и семей, а не крупных групп, так как последние внутри себя сохраняли старые традиции и славянский язык (например, в Родопях). Это причина относительного уменьшения болгарского и увеличения турецкого населения на протяжении веков.

О тесном общении южных славян в средневековые свидетельствают результаты изучения Стефаной Стойковой старинных эпических песен, сохранившихся в Далматинской Хорватии под названием «бугарштицы». Обнаруженные аналогии в Восточной Болгарии позволили сделать вывод о болгарском происхождении «бугарштии» (о чем говорит и сам термин) и о широком их распространении среди южных славян. Позднее они были вытеснены другими жанрами юнацкого эпоса и сохранились лишь в некоторых периферийных районах.

Болгарские ученые приступают к изучению этнических процессов на последних этапах истории народа, исследуя пока еще отдельные их проявления. Ганка Михайлова поделилась результатами своих наблюдений над городской одеждой эпохи Болгарского Возрождения, рассматривая ее в аспекте формирования национальной культуры. Городской костюм намного однотипнее крестьянского, в нем почти стерлись локальные этнографические различия. Автор верно отмечает народный характер национальной культуры того периода. Позднее, в буржуазной Болгарии, она расслаивается. Аналогичные мысли находим и у М. Велевой.

Характерным моментом в этнических процессах нового и новейшего времени является взаимодействие народной и профессиональной культуры. В связи с тем, что послед-

няя несет в себе и интернациональные черты, встает вопрос о национальной специфике, который занимает многих специалистов. Он рассматривается в достаточно широких хронологических рамках.

Представляется правильным путь системно-структурного подхода к проблеме: национальная специфика, по мысли ряда авторов (С. Генчев, И. Георгиева, Т. Живков и др.), создается из определенного набора и способа сочетания компонентов того или иного культурно-бытового явления; плодотворно изучение их комплекса, а не генезиса отдельных элементов. К сожалению, этот метод не был конкретно развернут из-за малого объема статей и будет применен лишь в дальнейших исследованиях.

В других докладах национальная специфика вырисовывается на основе сравнительного метода или путем сопоставления предмета или сюжета с породившей их бытовой средой. В таком плане рассматривают отдельные фольклорные жанры Делчо Тодоров, Цветана Романская, Антонина Афанасьева-Колева, Лиляна Богданова. Метод этот отнюдь не исчерпал себя и дает интересные результаты.

Для современного этапа актуальна проблема отбора ценного в культурном наследии. Анализируя партизанские песни и характеризуя их как особый жанр коллективного народного творчества, Тодор Ив. Живков приходит к заключению о наличии в них таких элементов (в поэтике, сюжете и пр.), которые можно рассматривать как часть мировой прогрессивной культуры («Национални и интернационални елементи в българската партизанска песен»). Борис Тумангелов правильно, с нашей точки зрения, отделяет фольклорные произведения, исполняемые на эстрадах во время «Соборов народного творчества», от истинного фольклора, живущего в быту («Художествената самодейност и опазването на народната култура»).

Первые, сохранив лишь эстетическую функцию (мы бы добавили, и этическую, что немаловажно), составляють часть современной национальной болгарской культуры. Сейчас в Болгарии придается большое значение сохранению и распространению народных традиций, очищенных от религиозных элементов. Б. Тумангелов считает эффективным средством передачи традиции обучение подрастающего поколения в коллективах художественной самодетельности. Очевидно, для характеристики современных этнических процессов интересно было бы проследить, как произведения народного творчества отдельных локальных районов, распространяясь по каналам различных современных средств коммуникации, становятся достоянием общенациональной культуры.

Анастас Примовский подчеркивает большой этический заряд, который несет в себе народное обычное право, считая его ценным культурным наследием («Някои черти из обичайното право на родопските българи»). Этот культурный аспект, несомненно, очень важен, но, к сожалению, в нашей литературе на него обращается мало внимания.

Можно приветствовать постановку многих сложных проблем в сборнике. Им, безусловно, будет положено начало серии новых исследований по этнической истории балканских народов.

Т. Д. Златковская, Л. В. Маркова

НАРОДЫ АМЕРИКИ

Э. Л. Нитобург. Черные гетто Америки. М., 1971, 160 стр.

В США с невиданной остротой разворачивается борьба негритянского народа за равноправие. Она приняла такие грандиозные размеры, что приковала к себе пристальное внимание самой широкой мировой общественности. На протяжении нескольких лет движение негров и их союзников буквально потрясает империалистическую Америку.

Буржуазные идеологи, стремясь скрыть подлинные причины резкого обострения этой борьбы, пытаются охарактеризовать ее как проявление чисто «расового кризиса». Однако такое объяснение, вполне устраивающее американских монополистов и направленное на то, чтобы ввести в заблуждение народные массы своей страны и мировую общественность, не выдерживает научной критики.

Но если это лишь «расовый конфликт», то почему в негритянском движении принимает активное участие весьма значительное число белого населения США, почему оно выступает на стороне негров?

В книге Э. Л. Нитобурга дан глубокий анализ этого сложного и важного вопроса. Автор подробно рассказывает о том, как возникли и что представляют собой современные «Черные гетто» Америки. Он разоблачает чудовищную эксплуатацию, расовую дискриминацию и сегрегацию, которым подвергается негритянский народ в США. В книге обстоятельно показаны причины, характер, формы и методы борьбы негритянского народа и его союзников за равноправие. Большое внимание в ней уде-